

**КАК ИСТОЛКОВЫВАТЬ РОССИЙСКИЕ ЗАКОНЫ?
КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О СВОБОДЕ СОВЕСТИ
И О РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ»**

В 1997 г. в России приняли Федеральный закон № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». В процессе обсуждения и принятия было много споров по поводу отдельных его положений. Тем не менее, закон был принят, и он действует вот уже восемнадцать лет.

Однако российское законодательство обладает одной странной особенностью: на момент выхода в свет любого нового закона он уже нуждается... в изменениях и дополнениях. Сразу же проявились многие ошибки и недочеты, на которые, кстати, указывали юристы и религиоведы еще на стадии проекта. Законодотворцы же не поспешили исправить свои явные просчеты, а занялись прямо противоположным — начали усугублять дело, пытаясь дополнить закон правильными, на их взгляд, но абсолютно антиконституционными положениями. Так было, например, с неоднократными попытками ограничить миссионерскую деятельность в духе Уголовного уложения Российской империи или с предложением законодательно ввести понятие «государственная религия».

Слава Господу, такие попытки пока не увенчались успехом, и закон, при всех его недостатках, продолжал действовать. И настолько успешно, что правоисполнители к нему приноровились, научились более или менее внятно толковать и вполне сознательно применять в своей жизни и деятельности. Тем не менее, чиновникам от религии явно не давали покоя некоторые формулировки, предполагавшие с их точки зрения неуместные «вольности» и «свободы».

Закон 1997 г. ввел в качестве одной из форм религиозных объединений понятие «религиозная группа», под которой

подразумевается «добровольное объединение граждан, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры, осуществляющее деятельность без государственной регистрации» (ст. 7). Именно это воспринималось законодателями как вопиющее нарушение стабильности, источник государственной угрозы: ведь для чиновника «без регистрации» — значит подпольно, а, значит, и официальная церковь автоматически приравнивалась к опасным сектантским объединениям.

В результате, 13 июля 2015 г. родился закон № 261-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», дополнивший ст. 7 этого закона абзацем: «Руководитель (представитель) религиозной группы или руководящий орган (центр) централизованной религиозной организации в случае, если религиозная группа входит в ее структуру, в письменной форме уведомляет о начале деятельности религиозной группы орган, уполномоченный принимать решение о государственной регистрации религиозной организации (управление Министерства юстиции РФ в субъекте федерации. — А. П.), по месту осуществления деятельности религиозной группы.

В уведомлении о начале деятельности религиозной группы указываются сведения об основах вероисповедания, о *местах совершения богослужений*, других религиозных обрядов и церемоний, руководителе (представителе), *гражданах, входящих в религиозную группу, с указанием их фамилий, имен, отчеств, адресов места жительства* (выделено мной. — А. П.)».

Вот тут пришла очередь удивиться даже выдавшим виды юристам, не говоря уже о религиозоведах!

Во-первых, даже от зарегистрированной религиозной организации не требуют предоставлять списки всех участников (за исключением десяти человек, ее учредивших).

Во-вторых, в Законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» указано, что «помещения и необходимое для деятельности религиозной группы имущество предоставляются в пользование группы ее участниками», т. е. на практике религиозные группы собираются в жилых

помещениях, причем не у кого-то одного, а чаще всего по очереди. Из этого следует, что сообщать в управление юстиции необходимо адреса всех членов группы как возможные места совершения богослужений.

Наконец, в-третьих, требование указывать в уведомлении практически все полные данные всех участников группы: фамилии, имена, отчества и адреса места жительства.

Пункт 5 ст. 10 Федерального закона «О персональных данных» гласит: «обработка персональных данных членов (участников) общественного объединения или религиозной организации осуществляется соответствующими общественным объединением или религиозной организацией... при условии, что персональные данные не будут распространяться *без согласия в письменной форме субъектов персональных данных*» (выделено мной. — А. П.).

Уведомление с указанием личных данных участников группы раскрывает информацию о том, что человек является членом конкретной общины, например, пятидесятнической, харизматической, Свидетелей Иеговы, мормонов или любой другой, к которой обыватели относятся предвзято. Это означает, что эти люди, многие из которых не желают, чтобы кто-нибудь узнал против их воли об их вероисповедании, ставятся под удар.

Если же мы вспомним недавнее прошлое, связанное с преследованиями по религиозным мотивам в СССР, а также сегодняшнее, подогреваемое некоторыми СМИ и кухонными сплетнями, негативное отношение к некоторым конфессиям, то становятся понятны опасения верующих, особенно старшего поколения, на себе испытавших давление режима и отвержение общества. Имея в виду сказанное, верующие не желают давать разрешение, тем более письменное, на распространение своих персональных данных.

Получается коллизия: люди не желают распространения сведений о себе, имея на это право по закону (п. 5 ст. 10 ФЗ «О персональных данных»), а другой закон (п. 2 ст. 7 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях») требует их распространения.

Далее. Ст. 28 Конституции РФ, провозглашая право на свободу совести и вероисповедания, подробно разъясняет его смысл, включая право свободно *исповедовать* и *распространять* свои религиозные убеждения. Применительно к распространению убеждений не всех устраивает понятие «свободно», поскольку проповедь тех же мормонов отнюдь не ласкает чувствительное ухо, скажем, православных. Чтобы, по возможности, сгладить это противоречие, законодатель в п. 3 ст. 2 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» настаивает, что «ничто в законодательстве о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях не должно истолковываться в смысле умаления или ущемления прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, гарантированных Конституцией РФ или вытекающих из международных договоров РФ».

Тогда как, согласно ст. 19, п. 1–2 *Международного пакта* о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений и право на свободное выражение своего мнения.

Следует помнить, что право на выражение своих убеждений имеет как позитивный, так и негативный аспект. Позитивный — тот, что гарантирует п. 2 вышеприведенного Пакта. Под негативным подразумевается свобода не выражать своего мнения, в частности, не сообщать о своем вероисповедании. Это право было подтверждено решением ЕСПЧ по делу «Александридис против Греции» 21 февраля 2008 г. № 19516/06, где сказано «Свобода исповедовать свою религию содержит также негативный аспект, а именно право не исповедовать свою религию или религиозные убеждения и не принуждаться к действиям, которые позволяли бы сделать вывод о том, имеет ли человек такие убеждения или нет. Государственные органы не имеют права вмешиваться в эту сферу индивидуального сознания и удостоверять религиозные убеждения или вынуждать раскрывать свои убеждения по духовным вопросам... В заключение следует отметить, что

тот факт, что заявитель был вынужден раскрыть суду, что не является православным христианином и желает сделать торжественное заявление вместо принесения религиозной присяги, свидетельствует о вмешательстве в его право не раскрывать свои религиозные убеждения».

Также данное право было отмечено в решении ЕСПЧ по делу «Бускарини и другие против Сан-Марино», имевшее место 18 февраля 1999 г. № 24645/94. Там шла речь о том, что после избрания в парламент депутат обязан приносить присягу на Евангелии, т. е. занятие парламентского кресла зависело от открытого исповедания конкретной религии, что противоречит ст. 9 Европейской Конвенции, посвященной свободе совести.

Таким образом, международные правовые нормы и правоприменительная практика говорят о том, что религиозные права должны неукоснительно поддерживаться и защищаться, поскольку именно свобода совести является основным критерием того, является ли государство правовым и демократическим.

В принципе, российский законодатель разделяет такую позицию и поэтому закрепил это право как в п. 3 ст. 29 Конституции РФ, которая гласит: «Никто не может быть *принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них*», так и в п. 5 ст. 3 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», где отмечено, что «никто не обязан *сообщать о своем отношении к религии*» (в обеих цитатах выделено мной. — А. П.)».

Что в этом случае делать со ст. 7 того же Закона, который в данном случае прямо противоречит сам себе, а также высшему закону Российской Федерации? Законотворцы не видят коллизии, или речь идет о различном толковании правовой нормы? Такая проблема некоторым образом напоминает принципы толкования текстов Св. Писания, которая лежит в основе разделения христианских конфессий. Похоже, российский законодатель настолько сакрализировал понятие «закон», что для его истолкования необходимо применять правила экзегетики.

А. К. ПОГАСИЙ

Анатолий Кириллович Погасий, к. и. н., д-р философии,
Казанский институт Восточной экономико-юридической
гуманитарной академии (ул. Журналистов, д. 6а, Казань, Республика
Татарстан, 420029)
kazan_prihod@mail.ru

Anatoliy Kirillovich Pogasiy, PhD, professor, Kazan institute,
Eastern Academy of Economics, Law and Humanities
(ulica Jurnalistov, dom 6a, Kazan, Republic of Tatarstan, 420029)
kazan_prihod@mail.ru

КАК ИСТОЛКОВЫВАТЬ РОССИЙСКИЕ ЗАКОНЫ?

***В СВЯЗИ С ЮБИЛЕЕМ ТЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
ЦЕРКВИ ИНГРИИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ***

5 декабря 2015 г. Теологический институт Церкви Ингрии отпраздновал свое 20-летие. За эти годы Церковь Ингрии прошла долгий путь становления конфессионального теологического образования от небольших курсов по подготовке дьяконов до систематического полноценного высшего теологического образования.

Сегодня Теологический институт, как учебное заведение Церкви Ингрии, осуществляет подготовку священнослужителей и предоставляет возможность всем прихожанам получить основы теологических знаний, пройдя обучение на курсах отдела дополнительного образования, а также приняв участие в работе семинаров повышения квалификации. Институт готовит специалистов по работе с детьми и молодежью, с престарелыми и инвалидами, дает знания в области бухгалтерии и делопроизводства, осуществляет подготовку музыкальных работников для приходов.

Обучение священнослужителей Евангелическо-лютеранской Церкви Ингрии началось еще задолго до обретения самой Церковью юридической самостоятельности. Первый ингерманландский пастор второй половины XX в., Арво Сурво, поступил в Теологический институт при Евангелическо-лютеранской Церкви Эстонии в 1982 г. Именно там почти в течение десятилетия получали соответствующую подготовку и дьяконы ингерманландских приходов. Однако с началом перестройки, когда начали открываться новые приходы, вопрос о подготовке дьяконов и пасторов обрел особую остроту. С этой целью в приходе г. Пушкина совместно с отделом внешней помощи Евангелическо-лютеранской Церкви Финляндии были организованы курсы обучения дьяконов. Занятия проводил сам Лейно Хассинен, первый епископ возродившейся Церкви Ингрии.

Курс состоял из двух семинаров, по окончании которых девять слушателей 3 марта 1990 г. сдали выпускные экзамены